

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Коко
Шанель

Коко Шанель
Коко Шанель. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8332474

Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой.: Якуз; Москва; 2013

ISBN 978-5-9955-0355-2

Аннотация

Эта сенсационная книга впервые проливает свет на самые тайные страницы биографии Коко Шанель. Это не просто мемуары, а предельно откровенная исповедь величайшей женщины XX века. История Шанель, рассказанная ею самой. «Герцогинь много, а Шанель одна», – ответила она на предложение руки и сердца от герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Европе. Она никогда не лезла за словом в карман, не подчинялась правилам и жила «против течения». Настоящая self-made woman, она сделала не только себя, но перекроила по собственным лекалам весь мир – не просто моду, а стиль жизни! Короткая юбка до колен – Шанель. Брючный костюм для дам – Шанель. «Маленькое черное платье» –

Шанель. Небольшие шляпки вместо огромных сооружений с широченными полями – Шанель. Бижутерия – Шанель. Изящный аромат вместо удушающего запаха целой цветочной клумбы – Шанель. Именно Великая Мадемуазель подарила женщине право быть естественной, стильной, желанной, женственной – самой собой...

Содержание

Шанель № 1	6
Обазин	9
Мулен. Свобода! Свобода?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой

Шанель № 1

Герцогинь много, а Шанель одна! – Такого ответа на предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты... Он не был снобом – обо-жал удобную одежду, плевал на множество правил и запре-тов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозви-ща: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уин-стоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шо-кировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сде-лать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по на-следству), герцогиней.

И вдруг отказ...

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вен-дора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

– Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокро-вище.

Я могла бы ответить похоже:

– Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель. Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой.

И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней – КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.

Обазин

Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце – нет, на нем остаются ирамы, которые не расправишь, как складки на ткани.

Наверное, надо по порядку? Попробую...

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать – это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец...» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам, и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытье жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая

семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота – это когда ты никому не нужна, причем любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами...»

– Когда найдешь красивую жизнь?

– Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин... Обазин... Обазин...

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынюхивают... Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

– Я не нищая!

– А кто же ты, если за тебя не платят? Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

– Неправда! Наш отец просто уехал!

– Куда?

– В... в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

– Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, венком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой. Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма! Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове веноч. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

– Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне не всегда удастся хорошо выполнить работу, порученную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно придет. Конечно, он издали почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки,

что она умница. Ему будет приятно слышать такое.

Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинялся.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, – от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял.

– Эй, только не реветь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала... Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже. Но я все равно ждала его и любила.

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спускаться можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх. Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготню случайно увидела противная Луиза из тех, за которых платили, потому что они были «из хороших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

– Скажешь кому хоть слово, я тебе... брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошипела:

– По тебе исправительный дом плачет.

– Ага, – согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто не мог понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть, а просто за компанию с ее дочерью Мартой. Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти каникулы, просто на чердаке дома нашлось настоящее сокровище – дешевые слащавые романы.

Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны, как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопереживания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь...

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе

не бедными, но действительно благородными, из-за козней родственников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по приютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло...

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочитать, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомненным. «Грозовой перевал» – одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так,

эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большущими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немыслимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варение подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

Творить... Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгам не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн, попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом голова

могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи... Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна – тетя, младшая дочь моих деда и бабушки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по свету, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пускал в центр города, наверное, боялись, чтобы чем-то не соблазнились. Как жили на окраине, так и прогуливались там, но после Обазина и окраина маленького Мулена казалась почти Парижем.

Я пересказывала Адриенне прочитанные на чердаке книги, мы их горячо обсуждали и прикидывали, какая из увиденных женщин годилась бы на роль очередной героини. Это так занимательно...

Адриенна очень красивая, она осталась такой и сейчас.

Моя тетя вполне могла бы стать таинственной незнакомкой из романов, но ее одевали немногим лучше нас, дед не слишком стремился тратить деньги на украшение своих женщин, считая, что красоту ни к чему выставлять напоказ, это до хорошего не доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У бабушки были роскошные волосы, когда она их распускала, волосы покрывали густой волной всю спину. Дед до старости ревновал жену и терпеть не мог вида распущенных волос, все казалось, что пытается кого-то соблазнить. Однажды после безобразного выговора (далеко не кроткий нрав у меня от деда, он резок и несдержан на язык) бабушка отрезала свою косу и с тех пор постоянно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень обиделась на мужа. Через много лет я поступила так же, только чепчик надевать не стала, правда, очень часто, даже дома ходила в головных уборах. Как бабушка? Неужели мои родственники столь сильно повлияли на мою жизнь, сами того не желая? Глупо, лучше бы влияли в другом.

На вопрос, когда же вернется отец, дедушка только пожимал плечами, а бабушка отводила в сторону глаза. Я понимала, что они знают, где их сын, но предпочитала верить, что не знают. Правильно, что отводили; надеяться, что отец может хоть когда-нибудь вернуться, все же легче, чем точно знать, что тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели на месте, они то-

же были рыночными торговцами и разъезжали по ярмаркам. Как при этом бабушка сумела родить и вырастить стольких детей, не представляю. Может, потому она презирала мою мать – слабую и никчемную, только и способную виснуть без толку у мужа на шее? Наверное, на мое отношение к памяти матери повлияло отношение бабушки.

Кстати, шляпка на голове дома – хороший способ намекнуть тем, с кем не слишком жаждешь общаться, что тебе некогда. Если в доме появляются нежеланные гости, я начинаю искать перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и задушевыми подругами, пронеся дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам! Правда, когда Мориса не стало, Адриенна вернулась ко мне.

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг... Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

– Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

– Отец. Смотри, что он пишет...

Я едва ни закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед – отец Адриенны.

Сообщал, что ей подыскивали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний.

До меня не сразу дошло содержание, главное само письмо. Адриенне писал отец... Как бы я хотела получить хоть коротенькую записочку от своего! О чем угодно, только получить, чтобы знать, что он есть, что он помнит.

Но рыдания бедной Адриенны быстро привели в чувство.

– Почему ты плачешь, не хочешь замуж?

Я точно знала, что Адриенна хочет, она мечтала о хорошей, крепкой семье, детях, добром и обеспеченном муже.

– За Поля не хочу...

– Почему?

– Он старый и... плюгавый. – Несчастливая Адриенна протянула карточку предполагаемого жениха.

Я согласилась с презрительным вердиктом. Конечно, старым Поль мог быть только с нашей точки зрения, но внешностью благородного разбойника жених Адриенны действительно не отличался, скорее наоборот.

– Мне уже сказали, что на следующей неделе нужно уезжать домой, чтобы выйти замуж...

Слезы снова полились ручьем.

– А ты?

– Я согласилась, что я могу?

– То есть тебя прямо отсюда и под венец?

– Да. Я лучше монахиней стану, чем за Поля.

– Вот еще! По-моему, лучше сбежать.

– Куда?

– Не знаю, мы же смогли заработать, продавая сладости, сможем и еще.

На каникулах нам действительно повезло, на несколько дней удалось заменить продавщицу сладостей с лотка и немного подзаработать. Эти деньги до сих пор лежали в кубышке, и о них никто не знал.

Мы сбежали. Более нелепый побег придумать невозможно. Кому нужны две мечтательницы-недотроги? Где работать и жить? Куда мы вообще бежали? Неважно, главное – из неволи!

Ума хватило только на то, чтобы согласно поведению героинь романов выбросить кое-какую одежду, свернутую в узел, в окошко, чтобы не шествовать с этими узлами у всех на виду. Дальше начался спор. Денег немного, на поезд купили билеты во второй класс, но я уперлась:

– Поедем первым!

Где еще мы могли встретить принца на белом коне? Неважно, что лошади, даже белые, в поездах не ездят, главное, первым классом ездят принцы, это я знала точно. Адриенна пыталась меня увещевать, но то ли делала это не слишком решительно, то ли мой напор оказался куда сильнее, поехали мы с шиком (обшарпанный вагон первого класса тогда казался шиком, как же, в нем были диваны, обитые потертым бархатом, расцветка которого от ветхости не подда-

валась определению!).

К нашему сожалению, ни принцев, ни даже их лошадей в вагоне, конечно, не обнаружилось, зато быстро появился строгий контролер, разжалобить которого не удалось. Плакали наши денежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники выручать двух наивных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас маслеными глазками и отпускавшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варение едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

– Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозяин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую его в прину-

дительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить – должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза:

– Вы, мадемуазель? За что?!

– За инакомыслие.

Разве тюрьма – только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.

Мулен. Свобода! Свобода?

Что такое свобода?

Это возможность не делать то, что тебя заставляют делать, или возможность делать то, чего хочется самому? А если человеку дать выбор между этими двумя возможностями, что он предпочтет?

Я – второе, заставить меня поступать против моей воли так и не удавалось никому.

Закончилось и это перевоспитание, через два года нас устроили портнихами к чете Грампер в их роскошный, по нашему представлению, магазин «Святая Мария», торговавший всякой всячиной, начиная от приданого для невест и заканчивая крючками и пуговицами. Нашей задачей стал мелкий ремонт одежды и привлечение покупательниц приятным обхождением.

Сначала восторг вызывали два факта. Во-первых, двух беспокойных мечтательниц поселили в крошечной комнатке под самой крышей вдвоем. Теперь мы жили вместе и могли не разлучаться совсем. Это существенно, если вы инакомыслящие.

Вторым приятным сюрпризом было то, что магазин находился почти в центре Мулена, где всегда бурлила жизнь. Позже мы поняли, что не так уж бурлила и что это за жизнь,

но после Обазина и застенков пансиона все казалось восхитительным.

Однако и здесь наше собственное существование не слишком отличалось от прошлого монастырского, монахини знали, куда устраивать на работу своих выпускниц! Жесткий надзор в обители сменился пусть менее жестким, но все же надзором четы Грампер. Обязались они, что ли, за нами следить?

Я мучилась, как я тогда мучилась от понимания, что жизнь надо как-то менять, и от невозможности это сделать! Мысли Адриенны были куда приземленней, ей всегда хотелось замуж, хотелось иметь прочное, обеспеченное будущее. Я не считала это мечтой, это просто желание, мне тоже хотелось обеспеченного будущего, но какого-то не такого, как Адриенне. И я мечтала за двоих.

О чем? Не знаю, даже не помню, просто хотелось перемен. Разве для того мы выбрались из Обазина и строгого надзора его монахинь, чтобы и в Мулене целыми днями работать в магазине под присмотром хозяев «Святой Марии», а потом до поздней ночи корпеть над чужими нарядами?

До сих пор удивляюсь, как вот эти «посиделки» с иглой в руках над платьями клиенток не отвратили меня от шитья вообще. Наверное, только потому, что, переделывая каждое платье (на мой взгляд, обычно нелепое и перегруженное деталями), я представляла в нем себя или, наоборот, представляла, каким бы сделала его для себя или женщины, себе по-

добной.

Первым бунтарским поступком стал съём отдельной комнаты вместо отведенного нам уголка в мансарде у хозяев, чтобы хоть по вечерам не быть подотчетной владельцам «Святой Марии». Адриенна пришла в ужас:

– Габриэль, ты не умеешь тратить деньги! На что ты будешь жить?

У нас был общий кошелек, и тратила действительно она, у меня всю жизнь деньги утекали как вода сквозь пальцы.

– А разве ты не со мной?

Она боялась, что родные будут против нашего проживания в съемной комнате, что нам не на что станет жить, что хозяева прогонят нас из магазина, узнав о приработке по ночам... Адриенна боялась всего, я – ничего. Все должно само собой образоваться, я ничуть не сомневалась в успехе. К тому же так хотелось прогуливаться по парку или просто по улицам, хотя бы изредка бывать в кондитерской. Если уж невозможно жить другой жизнью, то смотреть на нее не возбраняется?

«Глазеть!» – сказала Адриенна. Пусть так, если нет другого. Но моя дорогая тетка-сестра прекрасно понимала, что, если я начну глазеть, меня уже не остановишь. Конечно, она права, простое разглядывание даже кокоток, подъезжавших к кафе в роскошных экипажах, обдающих нас запахом духов, шуршащих шелками своих подолов и прятавших лица за полями огромных шляп, привело к желанию изменить что-то

и в себе.

Удивительно, но я никогда, ни тогда, ни позже, не считала этих совершенно безвкусно одетых и дурно пахнущих (разве можно считать хорошим убийственный запах целой клумбы цветов?) женщин ничтожествами. Размеры их шляп были немыслимыми, часто шире собственных плеч, платья украшены огромными турнюрками, на всем обилие искусственных цветов и модного тогда жемчуга. И все же они казались мне великолепными.

Мы переехали в крошечную, обставленную убогой мебелью комнатку вдвоем. Нет, не так, сначала переехала я, а потом ко мне присоединилась Адриенна. Конечно, наше жилье располагалось не в центре города, мы поселились на улочке Пон-Гинге, где сильно пахло сыростью от реки, а сама улица в дождь превращалась в грязное месиво, зато самостоятельно! Простая возможность хотя бы вечером жить своей жизнью, не зависеть от времени ужина хозяев, не отходить ко сну в положенный час быстро сказала и на нас. Бывало, мы не ужинали вовсе, бывало, сидели едва не до рассвета, чтобы успеть выполнить какую-то срочную работу заказчицы, но в остальном стали свободны! Это может оценить только тот, кто много лет жил под ежеминутным надзором.

Я упивалась этой свободой, а Адриенна... она просто вынуждена радоваться со мной. В нашей паре ведущей всегда была я, а моя тетюшка-сестра повторяла. Даже позже, когда Адриенна уже пошла своей дорогой, все равно прислушива-

лась ко мне.

Помню наш первый поход в «Гран-кафе». Скопив работой по вечерам немного денег, я храбро заявила, что пора погулять. Конечно, Адриенна ужаснулась:

– Габриэль, что будет, если нас увидят родственники?!

– Кто? Кто из наших родственников ходит в «Гран-кафе»?

Конечно, не ходили, мало того, не подозревали, что это такое. Главное, чего мы боялись – что у нас не хватит денег, чтобы расплатиться за заказ, а потому взяли с собой все содержимое кошелька. Адриенна тихо стонала от мысли, что мы потратим и останемся без средств на целую неделю:

– Габриэль, на что мы будем есть?

Я махнула рукой:

– Будем голодать!

Едва ли такое бодрое заявление добавило несчастной Адриенне спокойствия. Она не получила никакого удовольствия от чая, который мы выпили в кафе. В Обазине не было принято чаепитие, у тетушки Жюлии тоже, я же впервые увидела, как богачи пьют чай, когда ездила к одной из заказчиц в замок.

Не буду говорить, чей это замок, потому что госпожа Н еще благоденствует, но тогда мне все показалось замечательным. Ей понадобилось переделать несколько платьев, обновить, кое-где подшить новые кружева, где-то прикрыть вышивкой пятна, где-то расставить. Мы с Адриенной не шили одежду от начала до конца, а скорее переделывали ее для за-

казщиц, и все были довольны.

Адриенна была больна, и я поехала одна. В тот день мы не работали в магазине, потому отправилась с утра. Я добралась до замка где-то в полдень, но заказчицу застала в постели, та еще не вставала. На столике рядом с большущей кроватью стояла чашка с кофе, в пепельнице лежали несколько окурков дорогих тонких сигарет, сама дама в роскошном пеньюаре показалась мне просто королевой...

На неискушенную девушку, не видевшую в жизни роскоши вообще, вокруг которой всегда были только простые беленые стены и такая же простая мебель, позолота на спинке кровати и множество резных украшений произвели громадное впечатление. Вот как живут те, кто приезжает в магазин в собственных экипажах, у кого достаточно денег, чтобы содержать замок!

Одно из платьев не требовало большой переделки, а нужно оказалось срочно, потому было решено, что я останусь и все сделаю прямо на месте. Так я провела в замке целый день и видела пятичасовое чаепитие (мода, вынесенная хозяйкой из Англии). От меня не укрылось, что ванная на огромный замок всего одна, что у волосы мадам не мешало бы вымыть, что на большинстве платьев под мышками пятна от пота... Но это мелочи, я могла сколько угодно презирать мадам за недостаточное внимание к гигиене, но при этом отчаянно завидовала ее светским манерам (это позже я поняла, что не все так благополучно), ее уверенности, принадлежности к

другому миру, за которым я имела возможность только подглядывать в щелочку.

Хотелось ли мне попасть в этот мир? Если вы слышите из-за двери кинозала звуки идущего фильма, смех или рыдания зрителей, а через чуть приоткрытую дверь видите узкую полосу экрана, разве вам не хочется войти внутрь и тоже посмотреть волшебное действие? Мне хотелось, а потому, как только Адриенна выздоровела, мы отправились в «Искушение» пить чай!

Никаких особенных трат не потребовалось, скопленных денег без ущерба для недельного бюджета хватило на чай с пирожными. Пирожные Адриенне понравились, а вот чай нет. Мне чай пришелся по вкусу, но я страстно хотела попробовать настоящий кофе, такой, как был в чашке на столике у кровати мадам.

Так и текла наша жизнь: всю неделю мы усердно работали, иногда прихватывая и воскресенье, а потом отправлялись прогуливаться по улицам, чтобы в конце концов зайти в кондитерскую и выпить чаю или кофе с пирожными, полакомиться фруктовым мороженым и поглазеть на публику побогаче. Откуда в захолустном Мулене богатая публика? О... это отдельный разговор под названием «10-й егерский полк»!

В этом полку, расквартированном рядом с Муленом по ту сторону реки Алье, не служил кто попало, там был, по нашему мнению, цвет общества.

Люблю ли я военных? 10-й егерский любила точно, если бы не они, я так и осталась тихой швеей на улице Пон-Гинге и в магазине «Святой Марии».

Кавалеристы были очаровательны. Более нелепые наряды придумать трудно, но тогда мы откровенно восхищались их удалью, ярко-красными шароварами и дурацкими кепи с огромными козырьками. Кисточки их браденбургов на венгерках так задорно «выплясывали» при каждом движении... Единственное, что из их формы не претит мне и сегодня, – галуны, вышивка, если ее не слишком много, всегда хороша, и галуны тоже. С тех пор я часто использовала именно галуны и тесьму, на них похожую, в отделке своих моделей.

Не менее пронзительно голубых венгерок с «золотыми» браденбурами мне понравились сами усахи. Они были из лучших семей, но если и кичились своим происхождением, то не в Мулене, напротив, там чувствовали себя весьма раскованно. А еще меня восхищала возможность посмотреть на их родственниц, время от времени навещавших «своих обожаемых мальчиков».

Обожаемые мальчишки частенько заходили днем в кондитерские или кафе, а вечера проводили в кафешантане «Ротонда». Мы с Адриенной быстро поняли разницу между двумя кафешантанами, во втором – «Ле Бодаре» – просиживали в основном мелкие чины, а потому он считался просто кабаком. Но сами мы попасть вечером ни в одно из кафе не могли, это было слишком неприлично. Оставалось ждать, когда

нас заметит кто-нибудь из красавцев в голубых венгерках и красных шароварах и пригласит туда.

Адриенна только отмахивалась:

– Нет, нет, что ты! Что о нас подумают?!

– Кто подумает, родственники? Поверь, им совершенно все равно, где мы и что с нами, только бы не принесли в по-
доле своих детей на воспитание.

Как ни обидно, но это было так. Правда, сестра Антуанетта, все еще жившая в обители, постоянно писала противные назидательные письма, умоляя не натворить глупостей и помнить о необходимости вести себя достойно. Мы вели...

Даже попав вместе с сопровождающими в «Альказар» и выплясывая там, держались недотрогами. Удивительно, но к нам так и относились. Было весело, очень весело, мы с удовольствием танцевали в конце недели в том или ином кафе, слушали патриотические куплеты в «Ротонде», но никто не мог упрекнуть нас в излишне легком поведении.

И все же я не люблю вспоминать «Ротонду». Не потому, что там было плохо или что-то не так, как раз в «Ротонде» я имела большой успех, а потому, что за ней последовало.

Но для начала мы попали в самую «Ротонду» уже не как посетительницы, а как... артистки.

К этому времени обе были совершеннолетними, но женихов не имели, и уходившие год за годом оставляли все меньше надежды чего-то добиться. Выйти замуж? Но за кого? Ка-

валеристы могли водить нас в кафе, угощать мороженым и лимонадом, могли даже сделать любовницами, но только не женами. Аристократы не женятся на швеях, даже очень красивых и необычных. Выходить замуж за тех, кто ровня нам самим, означало на веки вечные поселиться в грошовых комнатах, ночами корпеть над заказами, нянчить выводок детей и пытаться вырваться из

бедности, оставив детям только залатанные платья и старую мебель.

Но если не замуж, то что? Становиться кокетками? Красивые, роскошные женщины, всегда веселые, которых сопровождали мужчины с масляными взглядами, хоть и нравились, но я прекрасно понимала, что стать такой мне не грозит. И дело не в отсутствии красивых форм тела, ведь мне то и дело советовали побольше есть, чтобы хоть как-то выглядеть, дело в моей независимости. Жить на чьи-то деньги, прекрасно понимая, что ты игрушка, которую купили на время, не для меня. Даже позже, когда все-таки именно так жила с Бальсаном, я стремилась к денежной независимости.

Адриенне, которая выглядела совершенно несовременной женщиной, казалось, вообще не грозило стать содержанкой. Но и тут я ошиблась, Адриенна ею стала, правда, в конце концов выйдя замуж за барона Нексона. Тогда такой вопрос перед нами не стоял, мы не годились в роскошные женщины, плечи которых окутывали меха, а запястья украшали золотые браслеты... мы этого не стоили.

Оставалось одно: становиться актрисами. Мне казалось, что только актрисы могли быть независимы от мужчин. Мысль открыть свое дело в голову, конечно, не приходила, разве потихоньку что-то перешивать, ни на что большее две девушки без средств рассчитывать не могли не только в Мулене, но и городе побольше.

В отличие от Адриенны, мечтавшей о доме и семье, я мечтала о славе, будучи абсолютно уверена, что если неплохо пела церковные гимны в монастыре, то уж с опереточными песенками справлюсь в два счета. К столь радикальному выводу меня подвигло и то, что я видела, а главное, слышала в «Ротонде». Там не выступали певицы мировой величины, местные звезды давились песенками ничуть не лучше нас с Адриенной.

«Ротонда» была любимым местом проведения воскресных вечеров егерей, где же еще развлекаться, как не там! К нам привыкли, нашего прихода ждали, встречали с восторгом, приветствовали. Мы стали приятельницами многих кавалеристов, оставаясь при этом «ничьими», это выгодно; не желая ссориться между собой, они не претендовали на близость с нами, при этом охотно оплачивая разные мелочи. Но это не могло продолжаться бесконечно.

Часто по вечерам, глядя на то, как уверенно держатся на сцене одни певицы и совсем неуверенно другие, я кипела: я бы на их месте...

Казалось, стоит выйти на сцену, и во мне откроются такие

таланты, что «Ротонда» будет сражена наповал. Однажды я вдруг заявила Адриенне:

– Мы должны здесь выступить!

– Что делать?

– Выступить.

– Где?

– Здесь! И не говори, что у нас нет голосов или умения двигаться, все есть!

Сестра с ужасом округлила глаза:

– Но Габриэль, кто нас возьмет?!

Почему-то именно это сомнение решило все, я уперлась и стояла на своем: мы будем здесь выступать! Позже Бой не раз говорил, что я упряма, как осел. Возможно, но пела-то я куда лучше любого осла!

Возможно, спор с Адриенной проходил и не в таких выражениях, но помню одно: она сомневалась, я упиралась. Победила я, и на следующий день, разодевшись в пух и прах (хотя особого выбора у нас не было), мы отправились к директору «Ротонды». Я не помню его имени, хотя, думаю, он меня запомнил.

Несмотря на все свое бахвальство, я страшно трусила, а потому вела себя откровенно нахально. Немного позже вообще поняла, что лучшее средство заткнуть всем рты – это наглость, и частенько таким средством пользовалась.

Едва переступив порог директорского кабинета, я с ходу заявила, что мы готовы подписать контракт на год, с тем, что-

бы выступать по вечерам с парой песен. Директор потерял дар речи, успев предварительно уточнить:

– Кто?

– Мы! – отступить некуда, или нас возьмут, или в «Ротонде» отныне лучше не появляться.

Когда к директору наконец вернулась способность что-то произносить, он почти прохрипел:

– Петь?

– Да, у нас хорошие голоса.

Если бы он еще немного посомневался, все рухнуло, Адриенна была готова с рыданиями броситься прочь, почти наверняка я позорно сбежала бы за ней. Но последовала просьба:

– Спойте что-нибудь. Мадемуазель, где вы пели?

Сказать ему, что пели в церковном хоре? Или спеть то, что и так каждый вечер звучит в «Ротонде»? Это означало безусловный отказ. И я, уперев руку в бок, неожиданно для самой себя залихватски пропела те самые куплеты с петушиным криком! Знать бы тогда, как пристанет ко мне это «Кокко»! Но даже если бы знала, не отступила.

Директор молча кивнул и знаком предложил присесть, видимо, все еще приходя в себя от моего напора. Адриенна петь категорически отказалась, но я, почувствовав интерес с его стороны, заявила, что у сестры голос еще лучше, только репертуар пока неподходящий. Уточнять, где же мы все-таки пели, он не стал.

Потом я поняла, сколь необычно это выглядело: две девушки с внешностью скромных швей вели себя с наглостью завзятых певичек кафешантана. Вернее, вела я, Адриенна скромно сидела на краешке стула. А у меня к скромному одеянию добавлялись еще худоба и откровенно детский вид, я всегда выглядела много моложе своих лет, в те годы совсем по-детски. Но тем нахальней держалась.

Из кабинета мы вышли с подписанным договором на целый год. Конечно, директор не мог рисковать, он не определил нам какой-то платы, но разрешил собирать деньги в свою пользу после каждого выступления. Тогда в Мулене это практиковалось, думаю, сейчас никому и в голову бы не пришло допустить толпу ничтожеств болтаться по сцене позади солисток и заполнять собой паузы между номерами на свой страх и риск.

В этом и состоял договор: нас допускали присутствовать на сцене и что-то изображать тогда, когда основной состав отдыхал. Можно было спеть, станцевать, а потом пройтись со шляпой по кругу в надежде, что кто-то опустит монетку в качестве поощрительного приза. За сезон таких певичек у задника сцены через кафешантан проходило великое множество, достаточно, чтобы неудачницу пару раз освистали, и хозяин, пожав плечами, договор разрывал и брал новую мечтательницу покорять артистический Олимп.

Почему я решила, что отличаюсь от всех, кто бестолково топтался и противно ныл, изображая пение, не знаю, но

я твердо верила, что уж меня-то не освищут ни за что. Теперь я понимаю, что уверенность основывалась на непременном присутствии наших приятелей-егерей в зале. Попробовал бы кто-нибудь хоть раз свистнуть, это могло оказаться его последним днем. Зато весьма громкая поддержка нам была обеспечена!

Так и произошло, только услышав, что завтра мы поем в «Ротонде», приятели заполнили ее настолько, что яблоку негде упасть, выкрики, поддерживающие меня, легко заглушили само выступление. Аншлаг в масштабах «Ротонды» был полный, и это повторялось каждый вечер.

Но тогда успех был еще впереди, а пока мы возвращались к себе в комнатку, Адриенна всю дорогу ворчала:

– Это ты считаешь достойной работой?! Мы были пусть не богатыми, но честными швеями, а что теперь?

Я разозлилась:

– Ты можешь оставаться швеей! Или быть честной и здесь.

Адриенна помолчала, а потом поинтересовалась:

– А что ты будешь петь?

Хороший вопрос, потому что, кроме этих петушиных куплетов, я не знала почти ничего. Повторять репертуар певиц-солисток чревато неприятностями.

– А ты?

– Я? Я не собираюсь петь, что ты! – испугалась Адриенна.

После раздумий было решено, что я попробую спеть «Кто

видел Коко у Трокадеро?», а сама Адриенна станет собирать деньги, обходя публику с изящной шляпкой.

Шляпку мы соорудили, а вот остальное было кошмаром. Внутренности «Ротонды» совершенно не соответствовали моим понятиям о жизни звезд кафешантана. Крохотная грибок на двоих, размером чуть больше примерочной кабинки в магазине, воду нужно приносить с собой, убирать ее тоже, везде пахло пылью и затхлостью, гуляли сквозняки, в зале запах пищи и пива, выкрики, визг и расстроенное пианино...

Я видела все это, но с другой стороны рампы, если край крошечной сцены можно таковым назвать. Вернее, видела только то, что творилось в зале, а за сценой... Конечно, в первый же день Адриенна ужаснулась:

– Может, не стоило сюда приходить?

И снова ее сомнения лишь придали мне уверенности.

– Ничего, мы здесь временно. Когда-нибудь мы будем вспоминать «Ротонду» со смехом, а те, кто нас будет слушать, будут рассказывать о нас внукам.

Даже сейчас я вспоминаю «Ротонду» с неприязнью, потому что не желала переодеваться у всех на виду, считала остальных бездарями и не скрывала этого, в конце концов, аплодировали мне, пусть не столько за пение, сколько за выходы и ужимки, а деньги собирали на всех! Эти бездарности жилились за мой счет и про меня же говорили гадости! Я не желала спать с теми, кто мне это без конца предлагал,

несмотря на мою худобу, из-за чего нам с Адриенной под дверь без конца подсовывали какие-то гадкие записки.

Помню, почти каждый вечер, когда мы возвращались из убогой гримерки «Ротонды» в нашу не менее убогую, но хотя бы чистую комнатку, я подолгу перемывала косточки всем своим товаркам. Эти никчемные девицы, полумертвые от страха, были просто мебелью на сцене, нужной лишь для подчеркивания солисток. Даже если кто-то из них и имел голос, то показать его никак не мог, потому что дрожащие голоса никогда не бывают хороши. Дрожали они от страха, именно из-за него отказалась петь Адриенна.

Наши подруги-соперницы (второе куда больше, чем первое), стоило уйти со сцены солистке, одна за другой судорожно набирали воздуха в легкие и сдавленными голосами выводили черт-те что! Некому было подсказать, что брать слишком высоко опасно, голос обязательно «даст петуха», а если этого и не произойдет, то откровенный визг и писк тоже не украсят певичку.

Но это бы полбеда, я могла вообще не петь, а лишь выделять свои па на сцене, но мне бы аплодировали! А эти ничтожества и двигались как куклы, которых дергают за нитки, они были неуклюжи, страшно скованы, нелепы.

Зато когда приходил мой черед... Соперницы ехидничали, что аплодировали не моему пению, просто меня приветствовали мои приятели. Однажды я посоветовала завести и себе таких друзей. Мало того, выкрикнула это громко, что-

бы слышали все.

Зал взорвался криками восторга, меня готовы нести на руках, но я гордо этого не позволила.

Сейчас я прекрасно понимаю, что «Ротонда» была просто жалким подражанием кабаре, что публика там собиралась хоть и лучше, чем в других местах Мулена, но не слишком взыскательная, что меня и впрямь приветствовали больше по-приятельски, чем из-за певческого таланта. Но тогда, выходя на сцену и слушая крики восторга, чувствовала себя настоящей звездой мюзик-холла. Я пела и чудила с удовольствием, а мне просто завидовали! Завидовали и делали гадости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.